

Фотопортрет спящего Виктора Шкловского. Переделкино, 1983 год © И. А. Пальмин / Архив литературной жизни XX века

«Чтобы заснуть, хорошо представить баранов, которых моют в море, или хотя бы одни только волны. В море садится солнце, оно пристаёт к горизонту, оплывает и испепеляется, как сырой, подожжённый кем-то стог сена. Перед белыми лбами волн появляются тени; волны белеют прижато, идут, как сфальцованные газеты из-под вала ротационной машины. Листы Леты: шуршат, бормочут, как волны реки забвения. Не засыпаю. Сердце звучит, как телефон с небрежно положенной трубкой. Сны перелистывают меня».

Цит. по: Шкловский В. Б. Жили-были : воспоминания, мемуарные записи, повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М. : Сов. писатель, 1966. С. 8.

ДОЛГИЕ ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Вот и наступили они, долгие зимние вечера — время тотального свободного времени. Мы собрали в этом номере воспоминания о том, как их коротали представители отечественной интеллигенции прошлого века.

Тут вам застолья и эзотерические практики, самострой и игры, высоко-художественный кураж и даже отчаянный труд по увеличению процента рождаемости.

«УДИВИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО — ТОЛЬКО И ВСПОМИНАЕШЬ О ХОРОШЕМ»

Художественный критик Сергей Гуськов на примере дневников Всеволода Иванова¹ показывает, как застолья (или, берите выше, симпозионы) становились в прошлом веке не только своеобразным термометром творческой жизни, но даже и её катализатором.

Групповое фото. И.И. Шнайдер, С.Д. Лебедева, Вс.В. Иванов, Е. Александрова, А.Б. Марингоф, А.Б. Никритина, И. Дункан, Ясный. [не ранее 1924]. © СПб ГБУК СПбГМТиМи. Ич. номер: ОФ 233003. Номер по Госкатали: 64918582.

Бинетам и улицам, охоты за книгами и их вынужденной продажи, обсуждения сводок с фронта и мук творчества. И особенно напряжёнными оказываются эти симпозионы в первые годы Великой Отечественной войны (но справедливости ради и записи в дневнике в это время насыщеннее, чем в другие периоды).

«Ночью зашли Михайлов и Федин. Длинная, до двух часов ночи, беседа»³ (13 февраля 1943 года, суббота) — и понеслась!

Разговоры, по понятным причинам, не протоколировались автором

дотошно, от и до, а скорее излагались в скромном виде, с яркими озарениями участников, меткими наблюдениями на их счёт (местами с переходом на личности) и несколько театрализованным столкновением позиций, а иногда и вовсе исключительно как пересказ от третьего лица. По стилю, описания этих встреч словно короткие, телеграфно-очерковые — в духе раннесоветской прозы — версии античных симпозионов. Но ведь и Платон наверняка многое насочинял, а что-то услышанное, напротив, выбросил из-за несогласия с его намерениями, когда создавал свои диалоги. Иванову же вечера с обменом мнениями в общей композиции дневников служат островками философского осмысливания мира посреди писательских и журналистических командировок, эвакуации, блужданий по ка-

нотам и улицам, охоты за книгами

и их вынужденной продажи, обсуждения сводок с фронта и мук творчества. И особенно напряжёнными оказываются эти симпозионы в первые годы Великой Отечественной войны (но справедливости ради и записи в дневнике в это время насыщеннее, чем в другие периоды).

Впрочем, на человеческое сознание

атмосфера информационной неопределенности действует удивительно раскрепощающе: так, на волне обсуждений вероятного второго фронта в 1942 году искусство-вед Абрам Эфрос внезапно признаётся Иванову, что снова пишет

В ОБЩЕМ, ДЛЯ ФЕЙКНЬЮС НЕ НУЖНЫ ИНТЕРНЕТ И СОЦСЕТИ, РАНЬШЕ ЭТОТ МЕХАНИЗМ ПРЕКРАСНО РАБОТАЛ НА САРАФАННОМ РАДИО И БУРНОМ ВООБРАЖЕНИИ.

лирические стихи, причём антисоветские. А через некоторое время даже зачитывает их писатель.

Также приходили свидетельства с мест: поэт Виктор Гусев передаёт — в форме складывающейся легенды — рассказ раненого Константина Рокоссовского о том, как обороныли Москву в 1941 году; поэт Микола Бажан сообщаёт о группе детей, которых партизаны спасли из колодца, куда их бросили венгерские солдаты; художница

встряла, но на многое указывают. А даже если «в кадре» их нет, то упоминание всегда в нужном месте, в рифму или на контрасте с остальным сообщением. Только посмотрите: «...она-то, на страсты лет, не очень щепетильна: роман с Луговским. Он явился, выпил две рюмки и заснул, как всегда, сидя» (20 июня 1941 года, суббота); «Вечером пришла Екатерина Павловна [Пешкова], говорила о том, что у неё нет денег и она не может делать запасы и способна ку-

пить только бутылку вина»⁸ (4 декабря 1942 года, пятница); «Ливанов — о Западе, о кино, о том, что человек Запада противопоставляет себя миру, а мы, наоборот, растворяемся в мире. И тут же рассказал о том, как они пили в Саратове, на какой-то базе, красный ликёр, закусывая его копчёными языками»⁹ (1 ноября 1942 года, воскресенье); «...они поняли намёк — для них Эренбург не поставил на стол вина, а меня даже угостили коньяком»¹⁰ (12 декабря 1942 года, суббота). Или вот редкий дневной симпозион: «Пили пиво. Затем стали вспоминать, где какое пиво и какие были вина и закуски. Смотрю я на свою жизнь — и удивительное дело — только и вспоминаешь о хорошем. Сколько лет разрушаем и всё никак не можем разрушить!»¹¹ (2 июля 1942 года, четверг).

Однако местами проскаивают и неожиданные повороты темы: «Вечером сидели с К. Фединым, — за графинчиком. Победа под Сталинградом даже и его прошибла, хотя он её и пытается умалить тем, что, мол, это в сущности не фельдмаршал, а фашистский ставленник, что, мол, дали ему звание за героним, а то, что они сдались, — на европейский вкус, — не имеет значения: они запищали захваченный ими Сталинград!.. До чего же русский человек, живя немного в Европе, и научившись говорить по-немецки, способен унижаться, — впрочем, сам не замечая этого, — дабы казаться европейцем. А ведь Федин и талантливый, и умный»¹² (3 февраля 1943 года, среда).

И вот ещё одно свидетельство — вечерний разговор всё с тем же Гусевым. Иванов делает из этой беседы чуть ли не дайджест. Разбивает пересказ на пункты, раскладывает всё по полочкам. Вначале Гусев вкратце излагает речь Гитлера, которому «нужны хлеб, уголь и нефть», а затем делает резкий финт, что на волне панических настроений, «исходя, видимо, из этих слов, московские писатели — в частности Фадеев и Катаев — пьют без просыпа... Катаев пьёт так, что даже Фадеев должен был ему посоветовать уехать на время: „а то за тобой уже посматривают“»¹³ (17 декабря 1942 года, четверг).

Горячительные напитки — отдельный маркер, если не сказать стихия, этих вечеров. Они вполне правильные участники симпозионов. Разве что сами не го-

новят, что не наблюдательный — но он так жажден, что не передаёт своих наблюдений, боясь, что украдут. Поэтому, для внешнего употребления у него есть — баня, каютузы, и обработанные наблюдения, которые он уже вложил в романы¹² (28 марта 1943 года, воскресенье). По неряливости

этого фрагмента, с бросающимися в глаза повторами, видно, что писалось быстро — даже для дневника, — пока раздражение не отступило. Как топором рубил. Аффект, впрочем, в профессиональной сфере Всеволод Вячеславович сдерживал никем не мог. И ничего удивительного: главные баталии в этой книге, не только в рамках симпозионов, связаны с литературой.

Так, Иванов повествует о том, как

однажды гостили у корреспондента

«Правды» во время пребывания

в Ташкенте. Помимо рассказа о борьбе с бандитизмом, вышли на темы писательские. Тут как раз автор дневника совсем уж не мягко прикладывает коллегу по цеху: «Леонов, важный, опухший, рассказывал о бане, что он рассказывал уж сотни раз. Это

стремления „разоблачить“ и бог знает чего!»¹³ (11 октября 1942 года, воскресенье). С такими качествами не поддается среди пишущей братии — и в признании этом удивительная смесь симпатии и неодобрения. Да и, кажется, не столько о безымянном корреспонденте речь, сколько обо всех вообще, включая и самого Иванова. По отношению к себе он довольно честен и не стесняется приложить себя наравне с остальными.

В воскресенье, 1 ноября 1942-го, в гости к Иванову пришли писатели и артисты кино, и разговор изрядно закрутился: вначале с быта на литературу (Пастернак утверждал, что последней не существует, «нет для неё

условий и хотя бы небольшой свободы»¹⁴), потом перешел на философию и войну, а дальше — кто о чём. Бажан же выразил разочарование позицией Пастернака: наука, философия стояли глупее... но разве можно сейчас думать только о литературе? Ведь, неизбежно, после войны всё будет по-другому. Часто, в разные эпохи такое можно было услышать. Тут-то Всеволод Иванов и не сдержался. Ответил: «Слесарь и во время войны должен думать о слесарной работе, а писатель тем более». А следом, поняв глубину сенсации, шутит: дети пришли чинить отопление, стучат в дверь и говорят: «Это мы, слесаря».¹⁵

ПО СТИЛЮ, ОПИСАНИЯ ЭТИХ ВСТРЕЧ СЛОВНО КОРОТКИЕ, ТЕЛЕГРАФНО-ОЧЕРКОВЫЕ — В ДУХЕ РАННЕСОВЕТСКОЙ ПРОЗЫ — ВЕРСИИ АНТИЧНЫХ СИМПОЗИОНОВ

Кураж на фоне брежневского брутализма

Рисунок Кати Гущиной

стремление — сенсия по караате. Операция по перемещению была назначена на ночь, видимо по избежанию помех в виде пешеходов. Когда диван оказался на Сущёвском Валу, друзьям стало скучно, и они решили придать процессу художественную осмысленность. Для этого Кузя с папой велели Мите — а он всегда был весёлым и корпulentным мужчиной — лечь на диван, принять бархатную позу и закурить трубку. И вот уже таким образом диван триумфально пропутешествовал из Марьиной Рощи до Савёловского вокзала.

Суровость, с которой осваивало до-

ся — сенсия по караате. Операция по перемещению была назначена на ночь, видимо по избежанию помех в виде пешеходов. Когда диван оказался на Сущёвском Валу, друзьям стало скучно, и они решили придать процессу художественную осмысленность. Для этого Кузя с папой велели Мите — а он всегда был весёлым и корпulentным мужчиной — лечь на диван, принять бархатную позу и закурить трубку. И вот уже таким образом диван триумфально пропутешествовал из Марьиной Рощи до Савёловского вокзала.

Суровость, с которой осваивало до- сут поколение отцов, меня одновре- менно завораживала и удивляла. При- мерно так же, как избыточная, но при этом единственную возможную манера исполнения песен Владимиром Семёновичем.

Как-то, в начале 80-х, родителям принесли на одну ночь настольную игру «Риск». Это было событие: конь- як, узкий круг приглашённых, игра

ются, а как минимум художественный манифест сочинять будут. Ну, собственно, это и был манифест, манифест стиля жизни. Брежневский брутализм в режиме досуга.

А ещё Володя Французов умел разливать водку с завязанными глазами, по булькам. Папины друзья запа- рились и устроили контрольный разлив — надо ли сообщать, с какой степенью серёзности? — оказалось ров- но, вплоть до сотой миллилита.

А ещё папа в гостях на спор скажал большой и указательный пальцы, сма- занные циакриновым kleem, который кто-то привёз из-за границы. За сто- лом он орудовал одной левой, а дома разделил пальцы лезвием.

А ещё они любили сверху горы варё- ных раков положить одного живого, но смоченного водкой, отчего тот тоже становился красивым. Ну и в какой-то момент водочный рак начинал шеве- литься, вместе с волосами впечатли- тельных дам.

А ещё у нас жила раненая сова Вар- вара. Она сидела спокойно на шкафу и иногда мигала. Когда приходили го- сти, важно было ни в коем случае не сообщать тем, кто впервые у нас, что сова живая. И вот когда после третьей вдруг сова мигала, новый гость испы- тывал что-то вроде психоделического трипа.

А за прерванный невпопад рассказ или даже анекдот можно было и в мор- ду получить.

История катком проехала по это- му поколению. Кто-то умер, кто-то за- бухал, кто-то освоил не только постмо- дернистскую ironию, но и рыночную эконо- мику. Но тот мир их пусты и непо- нятен, но по-прежнему завораживает.

Денис Крюков

Рисунок Кати Гущиной

длится всю ночь, а главное — атмо- сфера тотальной серёзности, как буд- то они не в настолку резаться собира-

Наука, религия и всё-всё-всё: как в СССР уживались официоз и нетрадиционные практики

О том, как организовывали в советское время свой досуг люди, увлекающиеся всевозможными эзотерическими учениями и оздоровительными практиками, не понаслышке знает Каринэ Александровна Диланян, кинорежиссёр и сценарист, член Союза кинематографистов СССР и РФ, преподаватель Академии мировой астрологии и метаинформации. В частности, она рассказала...

Каринэ Диланян с Андреем Битовым работают над сценарием к фильму «Птицы». Примерно 1985 год

...ПРО ЭКСТРАСЕНСОВ И ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

С конца 1970-х я участвовала в одной подпольной астрологической группе. К тому времени у меня уже сформировался интерес к астрологии благодаря увлечениям моего мужа Бориса Евгеньевича Бойко. Он по образованию биолог, работал в различных научных организациях, в том числе в лаборатории бионинформации при радиообществе имени А. С. Попова — это была закрытая организация, с которой сотрудничали различные экстрасенсы и другие сверхчувствительные люди. Борис Евгеньевич работал в отделе, изучавшем влияние экстрасенсорики на биологические объекты, и познакомился там со многими деятелями так называемого эзотерического подполья. Но и до этого он с ранних лет увлекался йогой, затем занялся карате, китайскими боевыми искусствами — и всё это на фоне нашего общего интереса к вещам закрытых и запретных, которым также относились нумерология, карты Таро и всё-всё-всё. А для меня личным якорем тогда стала астрология.

...ПРО БИБЛИОТЕКИ

Открытой информации обо всём этом не было, и её приходилось добывать через различные каналы. Так, у Бориса Евгеньевича был сосед по даче, который интересовался йогой, индийской философией,санскритом и так далее. Этот парень, сын профессоров из Академии педагогических наук, имел пропуск в закрытый отдел Ленинской библиотеки, где ему удалось найти, как он рассказывал, рукописи или вручную отпечатанные тексты на санскрите и на тибетском языке с грифом канцелярии Третьего рейха, которые попали к нам после Великой Отечественной войны. Там же были на специхранении книги, которые привозили из-за рубежа. И он, получая одно из таких изданий на руки, читал его какое-то время, затем засывал под рубаху и за ремень и выходил якобы покурить. Его не проверяли: человек был хорошо привыкшийся. Он шёл в Александровский сад с книгой и читал там, курил, но мог при этом её быстро скопировать. Потом увлёкся православием, и через него пошла уже христианская литература...

Ещё один источник — дореволюционная литература, её особенно много хранились у старых теософов, у некоторых оставались целые тео-

сяфские библиотеки. Так и отец Бориса Евгеньевича, доктор психологии, с юности интересовался гипнозом, телекинезом, и в его домашнем собрании хранились дореволюционные книги типа «Как научиться гипнотизировать людей» и прочие. Отец с юмором показывал ему эти раритеты, Борис изучал их, пытался увидеть ауру и тому подобное. Хотя первым его якорем стала йога: в детстве отыхал у родственников в Литве, и как-то ему попалась местная «Наука и жизнь», на литовском языке, с фотографиями йоговских асан. Он начал их повторять: заплыл на остров посреди реки и там занимался. Позже уже в «Науке и жизни» на русском языке стали публиковать материалы лингвиста Анатолия Зубкова, который немного трансформировал йогу под себя.

...ПРО «ВЫЕМКИ» И ИНДУСТРИЮ КСЕРОКОПИРОВАНИЯ

Однажды школьный товарищ, у которого отец был офицером КБГ, принёс Борису книгу одного из известных современных йогов, Свами Вишнудевананды, на английском языке. Тот сначала не понял откуда, а позже догадался: это результат «выемки».

Тогда практически в каждой эзотерической группе, в каждом кружке обязательно оказывался человек, так или иначе связанный с органами. Но зачастую эти люди работали на обе стороны: они передавали списки занимающихся в соответствующую контору, но предупреждали всех участников группы о том, когда будет «выемка» (изъятие литературы) и проверка особо активных — что они читают, не распространя-

ют ли ксерокопии. Обычно рекомендовали такие книги убрать из дома, вывезти на дачу.

Иметь ксерокопию считалось противоправным — сразу можно было получить обвинения в незаконном использовании копировальной техники и в распространении антисоветской литературы и ещё ряд статей в довесок. Это была довольно опасная деятельность, но люди, которые этим занимались, были «золотыми»: на них можно было положиться. Они копировали книги по йоге, теософии, астрологии, «Розу Мира» Даниила Андреева — всё то, что сегодня есть в свободном доступе. Тогда аппараты для копирования были огромными, занимали целую комнату и размещались, как правило, в первых — засекреченных — отделах. Любая работа на них контролировалась и требовала разрешения сверху.

В наших кругах было известно, что один из «наших» собрал из списанных запчастей ксерокоп и поставил у себя за городом. Имея доступ к расходным материалам, он печатал в основном именно астрологическую литературу. Она там проявилась Виктор Пелевин. В целом там был такой питательный бульон из людей, текстов, идей, занятий и обсуждений.

Интерес Бориса Евгеньевича с йоги переключился на карате, группы по его изучению тогда начали появляться в Москве. Это позже их руководителей привлекли за нетрудовые доходы. А первым мастером у мужа стал легендарный Юрий Вдовин.

...

Но читать такие разрозненные

листы было неудобно, тут требовался переплётчик, чьи услуги тоже отдельная история. То есть вокруг наших увлечений кормились очень многие люди, и часто только этим и жили. Это была целая индустрия, у них можно было заказать практически любую книгу и через пару недель получить её копию.

...ПРО КАНАЛЫ ПОСТАВОК, ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ И... ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Астрологическая литература попадала в СССР, во-первых, через «Белое Братство» — группу эзотерического христианства болгарского извода, основанную Петром Доновым. Она изучала психологическую астрологию, и через неё к нам шли книги, например, современных астрологов и теософов Алана Лео и Дэйна Радьяра.

Затем мощный эзотерический куст был в Риге, поскольку она ещё в 1930-х стала центром изучения наследия Рерихов: там жили люди, которые поддерживали связь в основном с Еленой Ивановной Рерих и придерживались учения «Живой этики». В послевоенный период именно от них к нам поступала вся литература этого рода.

Также некоторые из тех, кто выезжал за рубеж: дипломаты, журналисты, люди искусства, — привозили соответствующую литературу. Она тут же шла на многократное ксерокопирование, и счастливы были те, кому удавалось получить одну из первых копий, потому что последующие копии оказывались практически нечитабельными.

Были и точки бифуркации, одна из них — редакция журнала «Наука и религия», объединившая неортодоксально мыслящих редакторов, для которых наука и религия были разными сферами деятельности, не подавляющими друг друга. Мы лично дружили с редактором Валентиной Пазиловой — через неё шла литература, вокруг неё собирались определённые группы людей, очень активно там проявился Виктор Пелевин. В целом там был такой питательный бульон из людей, текстов, идей, занятий и обсуждений.

Занятия проходили на частных квартирах, которые предоставлял кто-нибудь из участников группы. Например, первые занятия с моим участиемшли в мидовском доме на Комсомольском проспекте — мы сидели в гостиной за большим столом с чаем, печеньем и баранками. Зараев читал лекцию, мы её конспектировали. На одно занятие приходили десять, редко пятнадцать человек, не больше. Место их проведения постоянно менялось из-за уже упомянутых доночек.

Так, следующий цикл занятий шёл уже в адмиральской квартире моей подруги на Ленинградском проспекте. При этом никто никогда не знал, пригласят его ещё раз или нет. Но если пригласили, это означало, что ты в списке доверенных лиц.

...

...ПРО ТАЙНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ И ПЕРВЫЕ ЛЕКЦИИ

У Зараева мы занимались около двух с половиной лет — затем группа как источник информации перестала нас удовлетворять. Эфемериды мы получили и собрали определённый запас литературы, научились интерпретировать карты и начали работать самостоятельно. Люди, зная наш интерес к астрологии, просили нас проконсультировать, но тайком. То есть всегда были трети лица, которые передавали данные, а мы с такими заказчиками не встречались. Но всё это продолжало оставаться хобби, нам просто было интересно. Да и никто тогда не воспринимал это как серьёзную работу — так, баловство и полублажь.

А на излёте 80-х, когда многое

стало возможно, нас началиглашать с открытыми лекциями. Мы тогда сразу пошли к Зараеву с вопросом, можем ли мы уже выступать сами? А он в ответ: зачем вам куда-то ходить, читайте у меня — он к тому времени уже открыл свою школу при ДК МИСИС. Там был зал минимум на 150 человек, и это была наша первая аудитория. К тому времени я сняла первый фильм об астрологии «Ключи судьбы», и мы показали его здесь же — ажиотаж был таков, что в ДК буквально снесли двери.

Борис Бойко в горах в ледяной пещере. Примерно 1971 год

...ПРО ЭКСТРЕМАЛОВ, УЧИТЕЛЕЙ И ЗДОРОВЬЕ

Оздоровительные практики также были популярны в интеллигентской среде. На «Центраучфильме», где я тогда работала, многие режиссёры и ассистенты интересовались такими методиками, было много вегетарианцев. Кто-то ел морковку до оранжевения, а кто-то увлекался православием, даже члены партии. Никто это не афишировал: если человек об этом не говорил, то и ты у него не спрашивал, чтобы не подводить друг друга. Но все знали, кто чем занимается. Уже во ВГИКе, куда я поступила в 1977-м, мне давали ксероксы по астрологии, зная, что я этим интересуюсь.

Немало людей занималось экстремальными системами. Например, много было поклонников Порфирия Иванова, голого старца в чёрных трусах до колен, в подшитом кармашке к которым лежал мандат чуть ли не от Луначарского. Чтобы попасть в группу Иванова, нужно было сказать кодовое слово «Учитель». Он часто приезжал из Луганской области, и здесь можно было пройти у него обряд посвящения: ставил человека под душ в ванной и начитывал над ним какую-то молитву. Такое посвящение принял и приятель Бориса, с которым они до этого ходили к кришнитам. И Борис тоже увлёкся ивановской системой: обливался холодной водой, ходил босиком. Он вообще тогда много занимался такими самоизоляциями, на полную катушку выполняя все указания учителей. Так, увлекался одно время Раджнишем и его дыхательными упражнениями, он получил эмфизему лёгких и несколько лет страдал от неё, пока не вылечил уже другими практиками.

...ПРО СПИРИТИЗМ И МИТРОПОЛИТА

В ВГИКе историю искусства нам читала Паола Волкова. Увлекающая различными экзотическими идеями, она порой рассказывала недозволенные вещи. Например, на одной лекции завед речь про спиритизм и столоверчение. Тогда во ВГИКе, одновременно с нашим курсом, но на сценарном отделении, учился будущий митрополит Тихон Шевкунов. Как-то на лекции спросил у Паолы Дмитриевны: а что, правда можно вызывать духов? Правда, говорит, только не увлекайтесь. Он достал какие-то книги и стал практиковаться в нашем вгиковском общеизитии. И до того дозвыпался, что впал в депрессию. И это, видимо, убедило его в том, что есть какой-то иной, тонкий мир, заинтересовался им и через это увлечение пришёл в РПЦ.

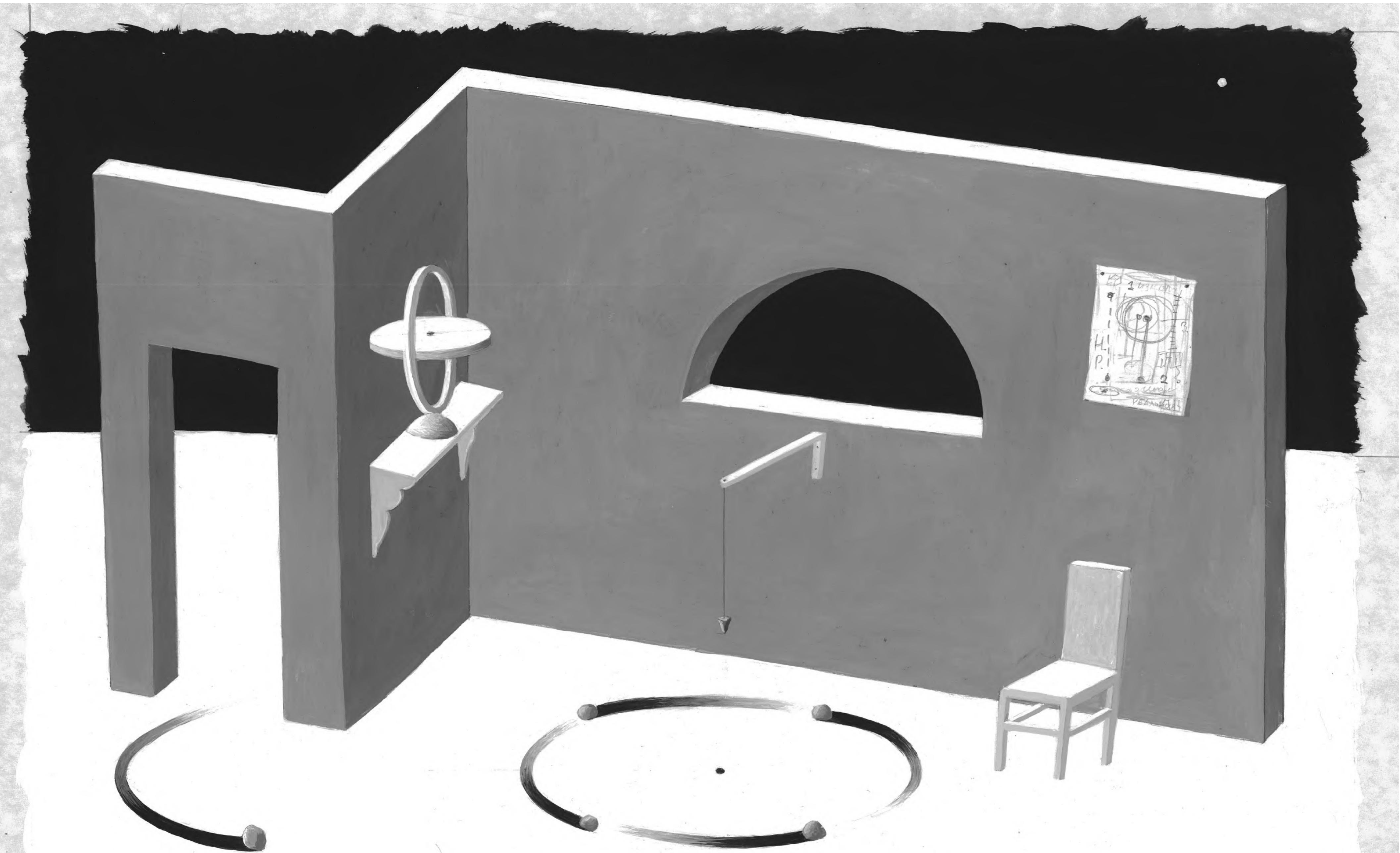
...ПРО БИТОВА И ЗОДИАК

В середине 80-х я снимала на «Мосфильме» картину по сценарию Андрея Битова, в основе которого была его же повесть «Птицы, или Новые сведения о человеке». И оказалось, что он увлекается астрологией: всё пытался сгруппировать писателей по знакам зодиака, искал какие-то параллели и в целом хотел что-то для себя в этом понять. Я смотрела его гороскоп, обсуждала с ним его карту, и он хотел, чтобы мы вместе над этой темой ещё поработали. Но потом начались такие события, что стало и не до кино, и не до астрологии, и нас надолго развел в разные стороны...

...ПРО ХОББИ, СТАВШИЕ ПРОФЕССИЕЙ

В 1991-м наша прежняя жизнь, хорошая ли, плохая, но кончилась. Кино перестали финансировать, и в один прекрасный день я легла спать режиссёром, а проснулась астрологом. Мне тогда повезло: моими первыми клиентами стали гости из-за рубежа — я окончила английскую школу, хорошо знаю язык и сразу заработала репутацию астролога, у которого консультируются иностранцы. А Борис стал вести школу боевых искусств — и всё, что было нашим досугом и хобби, стало нашей профессией...

Записал Сергей Лебедев

*ВЫЧИСЛЕНИЕ ДОЛГОГО ЗИМНЕГО ВЕЧЕРА

Рисунок Романа Сакина

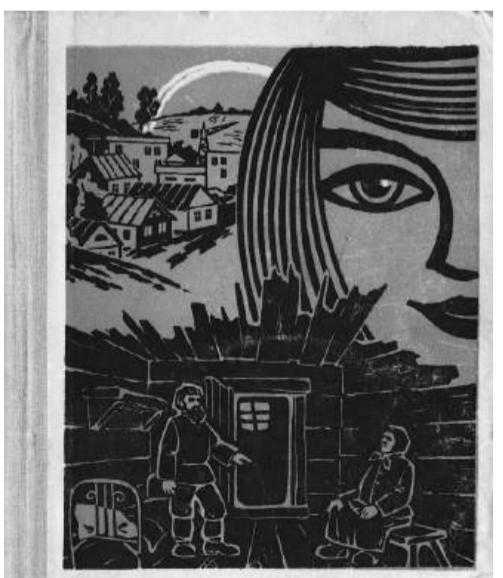
«ХОРОШО И СТЫДНО»

Об аспектах сексуального в советской антисектантской художественной литературе
рассказывает Михаил Климин, основатель «Общества распространения
полезных книг».

Существует расхожее мнение, что тема сексуальности была под строжайшим запретом в советской культуре, литература была бесплодна, а само общество размножалось клубнями. Эти наивные представления зачастую возникают из-за отсутствия знания исторических и литературных источников. Аналогичным образом существует ошибочное представление о небесном блеске и непорочности дореволюционной России. Такие суждения легко опровергаются фактами; например, достаточно прочитать книгу А. И. Матюшенко «Половой рынок и половые отношения», изданную в 1908 году, чтобы в пух и прах разбить грёзы о дореволюционной непринадлежности.

Советская литература, несмотря на строгую цензуру, породила колоссальное количество текстов. К сожалению, большая часть этих книг слабо известна современному читателю. Одной из исследовательских лакун оказывается необычная тема — антисектантская литература времён второй антирелигиозной кампании. В самом сердце соцреализма, в 60-е годы прошлого века, появился целый литературный жанр, который можно отнести к острожной литературе или даже жанру ужасов. Речь идёт о художественной прозе, посвящённой борьбе с сектантами. Антигерои этих произведений — участники и предводители сект: баптисты, иеговисты и другие представители религиозного подполья. Эти персонажи скрываются в тени, верша свои мрачные дела: они разрушают мировоззрение юных девушки и пионеров, не брезгуют насилием и даже убийствами.

В. И. Дидусь. К. Константинов
ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ

Книги о злодеяниях сектантов писались разными авторами и издавались по всей стране. Творческий посыл, запущенный в начале 1960-х годов, продлился практически до начала перестройки. Эти книги не обладают стилистическим единством, одни

сывают половой акт как «акт единения и идентификации». В случае антисектантской литературы можно было бы сказать, что сексуальное влечение между героями приводит ровно к противоположному — социальному разъединению и взаимному непониманию. Герои, поддавшись любви и влечению, оказываются по разные стороны двух миров, что, как правило, приводит к трагической развязке повествования.

Как я уже отмечал, в настоящее время не существует полной библиографии антисектантской художественной литературы и количество текстов точно не установлено. Однако мы можем увидеть структурную систему сексуального поведения героев. В плане естественных взаимоотношений и влечения между персонажами это напоминает классическое соцреалистическое повествование, однако существенно отличается итогом. В антисектантской литературе контакт представителей двух миров приводит к конфликту и непониманию, что логично ведёт повествование к трагедии. Со временем, когда исследователи начнут более подробно изучать советскую антисектантскую прозу, картина сексуальных взаимоотношений персонажей существенно обогатится.

Принято считать, что в советской литературе (впрочем, как и во всём Советском Союзе) секса не было. Вот три примера из официальной советской прозы, явственно опровергающие это мнение.

ЛАЗАРЬ КАРЕЛИН, «ЗМЕЕЛОВ» (1980—1981)

Различные жулики, торговцы и спекулянты — новые персонажи для советской прозы. Однако у условной Веры Пановой или, бери выше, Всеволода Кочетова они однозначные изгои общества, пусть и при барыше — на них разве что пальцем не показывают. У Карелина же чуть ли не обратная задача. Его прорывной, несмотря на одновременно избыточный и соеквиливающий стиль, роман — попытка говорить изнутри, по-своему. Мир торговых махинаций по-прежнему порицаем, но не в лоб, не априорно. Автор признаёт вполне очущимую соблазнительность даров этого мира. И один из них — это стабильно случайные интимные связи. И раз уж автор говорит с читателем с позиции «своего», то и о подобных связях он должен писать открыто, так, чтобы не киксануть.

ЮРИЙ ТРИФОНОВ, «ВРЕМЯ И МЕСТО» (1980)

В прозе Трифонова поражают две вещи: удивительно уместная дистанция по отношению к историческим событиям и уравнивание по значимости воспоминаний о блеске «металлической ручки на спинке трамвайного сиденья» и о ключевых поворотах

Денис Крюков

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Валерия Тёмкина

Драматург, резидент Дома творчества «Переделкино», Санкт-Петербург

Сейчас я работаю над пьесой «Введенский. Солнце над Казанью». Пишу её в рамках краеведческо-драматургической лаборатории «Особняк. Исследование», которую курирует фонд «Живой город».

Недавно исследователям удалось доказать, что поэт Александр Иванович Введенский похоронен в Казани. По одной из версий, он умер в поезде, который вёз заключённых из Харькова, в декабре 1941-го. Потом его тело доставили в морг Казанской специализированной психиатрической больницы НКВД.

Моя пьеса о посмертии души, распадающейся реальности и том выборе, который делает поэт в России в любые времена. В ней есть место таким персонажам, как Бог, Время и Смерть, Хармс и Лобачевский, а также письмам и текстам самого Введенского.

Анастасия Гачева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, главный библиотекарь Библиотеки № 180 им. Н. Ф. Фёдорова

Продолжаю собирать и издавать наследие своих родителей — литератора и культуролога Георгия Гачева и философа, литератора Светланы Семёновой, уникальной творческой пары. В юбилейный год Михаила Бахтина завершаю подготовку комментированной публикации переписки Георгия Гачева с автором «Проблем поэтики Достоевского». Готовлю расширенное издание книги Георгия Гачева о Чингизе Айтматове и научный сборник «Жизнь с Мыслью: Творческое наследие Георгия Гачева» по материям прошедшей в 2024 году юбилейной конференции, посвящённой его 95-летию. К грядущему в 2026 году 85-летию со дня рождения Светланы Семёновой собираю книгу её избранных статей и интервью. Заканчиваю работу

над собственной книгой — «Образ будущего: версия русского космизма», которая выйдет в издательстве «Альма Матер» в начале 2026 года.

Владимир Куницын

Писатель

Готовлю новую книгу прозы. В ней будут собраны только художественные (не документальные) рассказы, повести и небольшой роман-притча. Сейчас дописываю несколько новых рассказов в эту самую книгу.

В целом книга о Любви, в восхитительно разнообразных её проявлениях. О необходимости Доброты как онтологической сущности человеческой жизни вообще. Это не отвлечённая болтовня об абстракциях, это моя вымученная личной жизнью аксиома.

И ещё подготавливаю к печати книгу воспоминаний о моём отце, Георгии Ивановиче Куницыне.

Назову некоторые имена, чьи тексты составят основу книги: Марина Тарковская, Владимир Костров, Евгений Евтушенко, Константина Ваншенкин, Юрий Любимов, Андрон Кончаловский, Леонид Зорин, Элем Клинов,

Б. Т. Добродеев, Игорь Виноградов, Сергей Есин...

Вот такие дела. Спасибо за внимание.

Илья Пронченко

Историк, исследователь, резидент Дома творчества «Переделкино», Челябинск

В Переделкине я работал над книгой с рабочим названием «Воспитание пролетария», которая увидит свет в следующем году в программе «Гараж.txt». В ней хочу рассказать о том, как на новых индустриальных стройках Урала — в Челябинске, Магнитогорске, Свердловске — произошли не только, скажем, трактора, но и специфический рабочий-горожанин.

В ходе резиденции я писал, освобождённый от быта, работал в архивах РГАЛИ и РГАЭ, ездил в РГБ за редкими локальными изданиями — и, что немаловажно, смотрел и впитывал, как пишут и работают другие. Дело в том, что вопрос стиля, «творческого ступора» или опущения отсутствия среди важен и для историков, поэтому для меня это было мегаважно и по психологическим причинам. За это я очень благодарен организаторам и надеюсь сказать отдельное спасибо на презентации книги.

ние ритуала в литературе. Мне кажется, это один из важнейших текстов на свете. Его существование напоминает нам о том, что рассказ точно так же, как и роман, может стать классикой и может повлиять на всю мировую литературу. Если бы не было Ширли Джексон, не было бы Стивена Кинга как писательницы, которую мы знаем. Я очень люблю фильм «Ширли» с Элизабет Мосс про Ширли Джексон, который рассказывает и напоминает о том, что ты можешь быть сколько угодно великой писательницей, но ты всё равно живёшь в мире, где всем по-прежнему владеют мужчины, в том числе плодами твоего успеха.

16 ДЕКАБРЯ — ДЖЕЙН ОСТИН

Напишу честно, я не являюсь поклонницей Джейн Остин. Люблю сестёр Бронте, они мне больше подходят по духу, особенно «Грозовой перевал» Эмили Бронте. Это одна из самых любимых книг моего возраста. К сожалению, никто из сестёр Бронте не родился в ноябре или в декабре. А Остин позволяла себе невероятное по тем временам: будучи женщины, писать, издаваясь, иронизировать над обществом и зарабатывать писательством. Ещё, все знают, что она создательница современного английского языка. Мне кажется, это ужасно круто, что язык создала женщина-писательница. У нас — Пушкин, в англоязычной традиции это Джейн Остин.

27 ДЕКАБРЯ — АЛЕКСЕЙ ПОЛЯРИНОВ

Я так понимаю, что из этого списка авторов, которых я отобрала, Алексей Поляринов единственный мой ровесник и автор, которого я знаю лично. Лёша очень хороший человек. И хороший писатель. Он уже давно говорит и пишет об очень важных вещах в своих эссе и фикшн, в частности в романе «Кадавры».

Дни рождения с Евгенией Некрасовой

Писательница Евгения Некрасова из длинного списка литераторов юбиляров ноября и декабря выбрали тех, кто ей близок, и коротко объяснила почему.

3 НОЯБРЯ — САМУИЛ МАРШАК

Для меня это автор огромной радости. Его тексты, фрагменты из них являются необходимой частью моей повседневности жизни. Просто непрямые аффirmации. «Слушай, дурень, перестань есть хозяйскую герань».

Очень люблю «Кошачий дом» и, в общем, остальные его вещи. Очень круты у него переводы британской поэзии. В частности, стишок про двух толстиков в одном тазу, «Робин Бобин» и другие эти абсурдистские штуки.

9 НОЯБРЯ — ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Я достаточно много времени провёл в городе Астрахани, делая там благотворительный культурный проект. Так получилось, что Астрахань — город, не избалованный писателями и вообще литературным наследием. Но вот Велимир Хлебников по-прежнему остаётся самым важным создателем, может быть единственным представителем именно астраханского текста. И мне кажется, это всё чрезвычайно связано.

Его заумь, математические исчисления, новые слова родились из пустого и гладкого пространства степи. А его работа со звукописью и снова создание неологизмов появились после опыта его пребывания в астраханском заповеднике и слушания там птиц. Вера Хлебникова, родная сестра, — грандиозная художница.

18 НОЯБРЯ — МАРГАРЕТ ЭТВУД

Маргарет Этвуд — каноническая писательница для теперь уже нескольких поколений писательниц, да и писателей. Её «Рассказ служанки» стал

знаменитым и повлиял на литературу и на поп-культуру, когда появился сериал с Элизабет Мосс (первые пару сезонов были прекрасные). Короткий, злой, очень сильный, кричащий, отчаянный роман. Очень надеюсь, что мы доберёмся до того времени, когда этот сюжет, все эти образы, все эти ситуации перестанут быть актуальными, и «Рассказ служанки» останется просто хорошей классикой мировой литературы для чтения.

22 НОЯБРЯ — ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Я не читаю Виктора Пелевина сейчас, уже давно перестала. Очень много читала его лет двадцать назад. Я работала в то время в рекламных агентствах, роман «Generation „П“» был таким общим, важным профессиональным чтением в индустрии. На самом деле, я люблю гораздо больше его со временем.

Я не читаю Виктора Пелевина сейчас, уже давно перестала. Очень много читала его лет двадцать назад. Я работала в то время в рекламных агентствах, роман «Generation „П“» был таким общим, важным профессиональным чтением в индустрии. На самом деле, я люблю гораздо больше его со временем. Я не читаю Виктора Пелевина сейчас, уже давно перестала. Очень много читала его лет двадцать назад. Я работала в то время в рекламных агентствах, роман «Generation „П“» был таким общим, важным профессиональным чтением в индустрии. На самом деле, я люблю гораздо больше его со временем.

29 НОЯБРЯ — В 1783 ГОДУ НА ЗАСЕДАНИИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ

ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА ПРЕДЛОЖИЛА ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БУКВУ Ё

Прикольная новая информация. Я не знала, что это Дашкова предложила для использования букву Ё. Мне кажется, это очень важная история.

Я обожаю букву Ё. Я её фанат. Она очень красива по виду и звучанию. Она делает речь мягче, ласковой, нежнее. Я очень расстраиваюсь, когда в некоторых изданиях она отсутствует, потому что почему-то в современной литературе считается, что Ё должна оставаться только в книгах для детей. Но я всегда настаиваю на

том (это всегда авторское обычное решение), чтобы Ё в моих книгах оставалась.

10 ДЕКАБРЯ — НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

Николай Алексеевич Некрасов — фигура, которая преследует меня всю жизнь, потому что, когда я была ребёнком и подростком, меня вся время спрашивали, являлись ли его родственниками, потомком и всё прочее. Меня это сильно раздражало. Потому что Некрасов, как и все авторы из классического канона литературы, который мы проходили в школе, казался таким скучным и навязанным.

А когда я выросла... Ну, во-первых, меня сейчас перестали спрашивать про родство... Вообще, есть некоторое ощущение, что школьный канон перестал давать над людьми. Меня даже периодически спрашивают в официальных учреждениях: Некрасова или Никрасова. Это, в общем, означает, что Николай Алексеевич уходит из канона, а я жаль. Я очень люблю его тексты. В первую очередь за социальность. Он был одним из первых авторов, кто стал писать о социальном ну, собственно, о неравенстве, о работе, то есть о крестьянстве. И он делал это удивительно. В манере вот этих своих поэм, фактически коротких, сконцентрированных романов. И он один из первых, кто стал писать о женщинах, о женском опыте, о тяжёлом крестьянском опыте реалистично. И его героиня не жертвует всё-таки, а обладающая своей субъектностью и характером, в «Кому на Руси жить хорошо» и не только. У меня есть роман «Кошка», где героиня переживает тот же опыт, о котором писал он. Я чувствую, да, наше с ним венецианское родство.

29 НОЯБРЯ — В 1783 ГОДУ НА ЗАСЕДАНИИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ

ЕКАТЕРИНА ДАШКОВА ПРЕДЛОЖИЛА ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БУКВУ Ё

Прикольная новая информация. Я не знала, что это Дашкова предложила для использования букву Ё. Мне кажется, это очень важная история. Я обожаю букву Ё. Я её фанат. Она очень красива по виду и звучанию. Она делает речь мягче, ласковой, нежнее. Я очень расстраиваюсь, когда в некоторых изданиях она отсутствует, потому что почему-то в современной литературе считается, что Ё должна оставаться только в книгах для детей. Но я всегда настаиваю на

Миша-Кочерыхка (шахматный псевдоним Миши Ле Женя). Москва, 1964.
Фото Юрия Леженя

e4-e2

Художник Миша Ле Жень поделился с нами отрывками из своих дневников, которые демонстрируют взаимодействие шахмат с художественными практиками и человеческой судьбой.

Едва-едва научаясь e2-e4, понимаешь, вот она — битва навсегда! радость аминокислот обоних полушиарий. Шахматы — те же солдатики... но обнаруживаешь однажды: ты играешь в них, а они — в тебя... Дробью-орехами сыпятся на стол пахнущие лаком — только из магазина — таинственные фигурки, принесённые отцом. Десятнэтажка на Самотёке, где мы живём на рубеже 50-х — 60-х в одном подъезде с космическим Королёвым... гоняем с ним в громыхающем лифте, его квартира — над нашей через этаж. «Шахматы — как жизнь, и каждая судьба — партия», — говорит отец, показывая, как двигаются фигуры, скачут кони. И долго не могу заснуть, представляя себе ферзи, летящего по кругу... ведь сказано, ходит, как хочет.

Братья ходят назад — а-яй, нельзя! правило. Да только ходили — цок-цок — с двумя циферблатами и красными флагами чеканят не в безвоздушном пространстве. Поставь рычажок на паузу, щёлкни фотовспышкой — и живой эпизод замирает со своим сюжетом... чай-то неумелый гамбит сотрясается роком взлетающего самолёта, а рокировка в длинную сторону сопрягается с разводом у белых или сменой мировоззренческой конституции в стане напротив. И тут уж ничего зазорного отмывать к началу партии целлулоид времени... ведь все ходы записаны.

8 января 2006, воскресенье, дом с видом на Волгу

Чтобы встретить Новый год, достаточно еловой иголки. Для муравья это целое дерево. Вспомнил, как Миронов забросил нас с П. А., Анной и Моной в какой-то сказочный туман, из которого, как лайнер из туч, спускались на лыжах в сверкающую долину — с рекой, снегами и *десятью отыдахющими Брейгелями*. Ночь, гриль, баня, купание в снегу... и румяные посланницы Тулузин поют *a capella* у камина. Солнечное утро

и простоты, лёгкости и популярности, структурной свежести и умения делать вещи как бы из ничего: т. е. свободы нового порядка.

10 июля 1990, вторник, Саратов

Спазаранок (к часу) — кто ходит в гости по утрам! — Дюша. И хоть спросонок *ratio* работает не так, как мечтательность, обыграли таки его в фишках... Недавно мне пришла идея превратиться в маятник. Оторваться от Земли и почувствовать, как она там вращается без меня. Белый холст, растирнутый взлётно-посадочной полосой, и краскопульть, заправленный красным, — вот что запечатлает чувство новой сопричастности. Космос через вращение Земли, а с другой стороны, вся её флора и фауна, все люди — через всеобщее тяготение — будут участвовать в сотворении новой формулы бытия. Собирал *маятник-лёт: Леплан*.

28 июля 1991, воскресенье, Амстердам, red light district

Хёра, то есть *Ура!* — наше представление на открытой площадке за городом. Сабин, музыка, ночь, фейерверк, вся компания, работа, премьера... *Маленький человек со множеством ног* — то я, как колобок, в луках проектора. И Тайлт с Симоной кричит мне: «Ма-й-ка, Ма-й-кл!» И, крутя педалями среди скачущих зайцев, — в кварталы красных занавесок и огнедышащих каналов с лодками, полными народа и вина. И неоконченная — с зевком слона — партия там же, в апартаментах Аннеми и Рода, клоуна, так смешно изображающего голландцев: две вращающиеся фиги перед глазами с криками *гульденс!* *гульденс!*¹

27 июня 1989, вторник, Саратов
По слухам Дня молодёжи — однодневная выставка *Жёлтой Горы*¹. С утра до вечера — с дождём и кислым пивом в *Зазеркальном*. Кроме нас — группа *Иуда Головлёв*, здешние качки-культуристы и салон модной одежды. Расставили шахматы на этюднике и играли с Женкой и Петром.

13 ноября 1989, понедельник, Саратов
Приходил Ациферов, весь сияющий — уж несколько дней работает редактором какого-то рекламно-информационного отдела какого-то совместного советско-бразильско-итальянско-австралийского предприятия, да ещё с окладом в 300 руб. И теперь, говорит, вроде как в шутку, ему как акуле империализма выгоднее, чтобы нас отселили из Молодёжного центра... мы бы сели на мель, а потом — к ним на договор. За это дважды обыграли его в шахматы. За это он прочёл свою новую поэму *Прощание с эмигрантом*. За это я её не очень-то хвалил и, вспомнив волгоградский фестиваль, сказал, что он пишет через чечур серёзно, честно и умно, и что ему не хватает кибровского и рубинштейновского беспутства — эффектности

лобовое стекло и отвинтили колёса; отца побили подростки, жене стрельнули в глаз из газового пистолета; кто-то покупал графику по пять тысяч; хочет ей машину... Ездили с ним и Хельгой на её сирене в Штамберг, в ресторанчик *У принца*. Хорошо говорили. А немец, сидевший с какой-то парой за соседним столиком, оказалось, бывший после войны на работах в Омске, взялся за нас платить и обещал *всем столиком* нагреть в галереко Хельги... которая — баварской любезности не было предела — присмотрела меня ночью в атропософскую коммуну.

27 января 1993, среда, Саратов

Вечером, только взялся за письма, заявились разухватистая компания с коньками и желанием отметить свадебную регистрацию двух израильско-отъезжающих, О. Б. и его пассии. Среди других — Ив. Ив. с подругой: как дураки, улеглись на моей кровати в тихой и якобы пьяной сентиментальности. Ну, бардак — прийти в приличный дом и нет чтобы в шахматы поиграть...

Потом прибыл на лобную половину стриженый Ходовский и был, чего уж там, хорош. Когда остальные испарились, ужинали макаронами с кетчупом и пивом, и я рассказывал ему про велосипедно-прибалтийские приключения и свои те ещё аспирантские теории: архитектура — это опредмеченный инстинкт социальности; машина консолидации в строительной форме... и т. д.

26 июня 1998, пятница, Париж — Мюнхен

Другое дело — высматривая на полке шестиметрового купе... хоть и под храп штутгартского дяди! А за окном — такая уж родная старушка Европа. Утро, будет дождливо, и скоро Мюнхен. Прощальная моцарелла с Сюзанной... она, оказывается,

Миша Ле Жень, эскиз к маятниковой акции *Леплан*, 1990

5 июля 1992, пятница, Мюнхен

Отослав эксплуатацию нимбов к богу, он, конечно, молодец — лихие ассамбляжи и живопись, успешная выставка. После открытия поехали с ним на Бавариштрассе играть в шахматы и рассказывать новостям... В Саратове, говорит, одну машину обменял на полдома, другой разбили

довольны ситуацией, и Патрик даже нервничает... А она, говорит, лучше, что сделала в жизни — Ян... Как-то, играя с ним в шахматы, рассуждали, может ли в них быть мораль. Ведь это не искусство, которое, суть, этическое в эстетическом. Чистая игра ума, произвела творческой дерзости — как абстрактный экспрессионизм в живописи — выражает, утверждает человек... Вот и мораль, если (ещё) не религия. Напевал ему *toned makes the world go round!*² и говорил, что у нас все озабочены национальной Идеей... а она уж давно прописана в конституции: человек — высшая ценность!

25 февраля 1999, четверг, Саратов

На ночь глядя, когда с Дюшой играли в фишки, позвонил Гвидо из Амстердама. Оказывается, они разошлись с Колетой, и он живёт теперь *наплаву* в какой-то барже. А Тайлт, мой галерейщик, уж года два как в Милане — наверное, с Симоной. Интересно, куда этот сукин сын задавал мои картины и ассамбляжи...

14 августа 1999, суббота, Волга, остров Семёновский напротив Змеёвых гор

Самоходочка в ночи огонёчки — хоть кричи. Пык-пык-пык солярочка отбиваясь, скляночка!

Приезжали Патрик и Ян: день рождения, жерехи, ритуальный кораблик с фонариками (Патрик разрисовывает один); прыг-прыг-компания — *пятнашки* из соседнего лагеря с гитарой и прочим весельем; запах трав и горячего песка — когда лежишь, и сладкое ивняка — когда стоишь или бежишь... Байдарка — на высокий берег, и опять жерехи — на леске и на углах. На закате, с видом на огромную каменную змею — шахматы с Яном; на ход — струйка песочного времени из ладочек. Они с Патриком, наверное, уже вспоминают в их парижском ритме здешнюю тишину... а Ян — и девочку Лену с чаячей косы.

29 августа 2024, пятница, Москва

В ресторане *Времена года*, замаскированном под музей современного искусства, подавали выставку *Открытое хранение. Пролог*. Всего, кажется, 14-15 участников, включая Л. Рубинштейна. Мой павильончик с показом акций на видео и в книжных объектах отстроен по-музейному филигранно. А с утра — настоящий квест с поисками *младенческого* дома на Самотёчной улице. Добираюсь каким-то странным путём — как левое ухо правой рукой доставать — со множеством курьёзных пересадок, через Марину Рощу, с выходом на новый диаметр на Курском вокзале, с многократной проверкой рюкзака на сканере, с общей путаницей в каких-то не до конца отстроенных туннелях... В общем, когда поднимаемся, наконец, на *Достоевской* к Суворовской площади, вдахну уж радости и гармонии. И дом-то — вот, 17а, за углом, и все двери открыты... ремонт, и рабочие отдыхают на мешках цемента.

Подъезд необычной планировки: две лестничные клетки, соединённые лифтовым коридором с квартирами... вот она, наша, пятьдесят первая — за лифтами на площадке, пол в шашечку и чья-то пластиковая кошечка на колёсиках... А где же королёвская? Поднимаемся — 63-я... как предпоследняя клетка на шахматной доске. Ни таблички, ни намёка... и даже дверь, похоже, ещё с тех времён, деревянная. И монолитная лестница, та; потрогал — помнит? И уж спускаюсь вниз, чтобы выйти во двор — ан, нет, тамбур не-рабочий... и опять надо подняться по высоким пролётам до детской квартиры, чтобы по коридору вернуться сюда...

1. Саратовская группа авангардных художников, 1987—1990.

2. Гульдены, голландские деньги.

3. «Деньги вращают мир», слова из песни *Money*, к/ф «Кабаре», 1972.

Александр Петлюра, 18 лет, якутская АССР

«Я руководил вещью»

Легендарный художник и коллекционер олдскульной одежды Александр Петлюра рассказывает о своём опыте самострока.

Мою любовь к вещам — как она глубоко меня прихватила, что я столько всего наскладировал — объясняю тем, что у меня в детстве, в юности вообще не было вещей. Я был в интернате, и у меня были только синий костюмчик, белая рубашка, красный галстук. В этом же костюме домой в автобусе приезжал — и там мне нечего было надеть, просто нечего. У меня не было вещей, у мамы не было денег, но ей и говорили, что в интернате нам всё дают, что нас одевают государство. Но одевало нас государство так: белая маечка и чёрные

или синие трусы, костюм этот синий, спортивный костюм, как у всех, — однаковое всё. Я не комплексовал в интернате, но я комплексовал, когда приезжал домой, думал: в чём я выйду на улицу? Мне уже одиннадцать-двенадцать лет, парень красивый, а выйду в интернатовском — все будут знать, что я в интернате, что я из бедной семьи.

Машинка была ножная, «Подольск» или что-то ещё. Такая тумбочка деревянная. И хык-хык-хык-хык ножка! И я вот учился на машинки, видел, как мама что-то подшивает,

шьёт, ну и решил продолжить...

Я это делал, когда мама не было дома, чтобы она не переживала, потому что, пока учился, иголки ломал. А она переживала: машинки же были дорогие раньше, иголки, всё-всё — это доставалось всё, было дефицитно. И я перешивал то, что мне переходило от старшего брата, Витька, на два года он старше... И научился: посмотрю там, брюки узковаты — а к тому времени уже расклешна пошли — и я хон тогда клинчик! Ну и как-то так, искал, экспериментировал. Но мама была очень расстроена, говорила, что я до фига иголок сломал... Это как раз уже перед ПТУ или потом тоже, приезжал с ПТУ, когда уже в Луганске учился. А позже, в Харькове, уже я пижон.

Записал Даниил Родионов

Фото Михаила Голденкова

ПЕРВАЯ ДАЧА

Очень скоро на территории Дома творчества после реставрации откроется исторический коттедж «Первая дача»: теперь здесь музейный дом. Первая выставка «Ход коня» посвящена Виктору Шкловскому. Руководитель Дома творчества Переделкино Дарья Беглова рассказала о новом пространстве и обсудила концепцию выставки с драматургом Алексеем Синяевым, который работал над сценарием первой экспозиции.

РЕСТАВРАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВО

Когда мы начинали работы, дом был в тяжёлом состоянии. Чтобы сохранить его, пришлось фактически подвесить здание в воздухе, залить новый фундамент — и установить исторические стены на новый скелет-каркас.

Мы освободили дом от слоёв 1990-х: многочисленных перегородок, пластиковых панелей и потолочных плиток, и стало ясно, что под ними не осталось исторических интерьеров. Единственный уцелевший свидетель прошлого — сами стены: их мы очистили и законсервировали. По ним видно, что дача не раз перестраивалась: в комнатах есть элементы внешней обшивки. Стены стали главным экспонатом — и рамой для повествования: к ним мы будем обращаться в каждом проекте.

Вместе с архитектурным бюро BlockStudio мы разработали концепцию лаконичного музейного пространства, где с помощью современных мультимедийных инструментов будут оживать истории, и стены «заговорят».

КОНЦЕПЦИЯ МУЗЕЯ

Поскольку пребывание каждого жителя в этом доме было краткосрочным, мы сразу отказались от идеи дома-музея. Концепция музея — «дом для всех». Как и раньше, сюда будут на время вселяться разные персонажи, а мы узнаем о них много интересного.

У каждой выставки свой центральный персонаж — один из жителей Переделкина, вокруг которого строится разговор о литературе XX века, о писателях и времени в целом. У нас очень большой список будущих персонажей, и все они, их истории будут взаимосвязаны.

Суть нового музея — не только показать мемориальные предметы и рассказать про литературные произведения, нам важно раскрыть их временной и пространственный контекст: поэтому главными героями станут разговоры, воспоминания, письма, мемуа-

ры. Именно нематериальное наследие станет основой для повествования. С помощью современных режиссёров, драматургов, художников мы будем создавать выставки-спектакли, в которые надо погружаться с головой.

ВЫСТАВКА «ХОД КОНЯ»

Дарья Беглова: Первый новый житель дачи — Виктор Шкловский. Выбор героя не случаен. Во-первых, Никита Шкловский и Варвара Шкловская-Корди передали Дому творчества переделкинский кабинет Виктора Борисовича.

Алексей Синявый: Он будет расположен на втором этаже дома: книги с пометками, предметы обстановки — настоящая мемориальная капсула!

Д. Б.: Во-вторых, Шкловский прожил почти целый век: он застал Первую мировую и революцию, прошёл через все литературные группировки и одновременно оставался вне их. Это один из самых любопытных персонажей для первого разговора: через него мы начнём разговор о множестве эпох и явлений.

А. С.: Охватить такой огромный период — сложная задача. Я думал, что случай Шкловского уникален, но оказалось, что в его кругу общения таких насыщенных биографий много. Например, Роман Якобсон, друг и вечный оппонент Шкловского.

Д. Б.: Во вселенной этой выставки Шкловский, как солнце, притягивает множество сфер и фигур: формалисты и ОПОЯЗ, Маяковский и ЛЕФ, «Серапионовы братья», Мандельштам, Эйзенштейн... И обо всём надо рассказать! Но конечно, сам Шкловский — это невероятная фактура: он был не только литературоведом, но и блестящим писателем с ярким почерком. Занимался кино, сценариями, историей... Эйзенштейн называл его «ожерельем без нитки»: невозможно собрать его фигуру в единое целое.

А. С.: Мы даже не пытались решить такую задачу. Вместо этого мы подошли к материалу при помощи художествен-

ных приёмов, которые разработал сам Шкловский.

Д. Б.: Прежде всего, это приём острания: когда смотришь на что-то новыми глазами, отстраняясь от привычного образа. Мы так посмотрели на Виктора Борисовича и увидели персонажа, который, как Чеширский Кот, то исчезает, то появляется, но знаменитая шкловская улыбка остаётся.

А. С.: Второй приём Шкловского — это монтаж: именно этим я занимаюсь в рамках проекта. Поскольку такой объём информации в рамках одной экспозиции охватить невозможно, мы разбили выставку на четыре сеанса.

Д. Б.: Утренний сеанс — о начале жизни Шкловского до побега из России. Второй — с его возвращения до окончания войны. Центром третьего сеанса станет история о том, как его громили во время кампании против космополитов. Четвёртый — вечер, закат жизни и в то же время абсолютное признание, споры с оппонентами и мысли о незавершённости.

А. С.: Внутри каждого периода мы выделили главные события и методом монтажа собрали их в единое полотно нарратива. Получилось лоскутное одеяло из смыслов — этот образ появляется во всех локациях выставки. Четыре сеанса образуют сценарий всей жизни Шкловского: на выставке её можно прожить за один день. Кстати, материальные экспонаты тоже меняются в течение дня. Экспозиция регулярно трансформируется. По будням будут экскурсии с медиацией — коллективная работа с сюжетами и с памятью. Участников ждёт сюрприз: каждый выберет предмет из архива, который станет ключом к открытию новых смыслов.

Д. Б.: Будут и классические музейные экспонаты из Архива литературной жизни Дома творчества, для которых художник Алексей Лука создал большую инсталляцию из 10 авторских столов. Она расположена в большом зале по центру выставки: когда-то тут было несколько комнат, теперь — такое переделкинское лимбо.

А. С.: В правой части дома — кухня и кладовая, а в левой — спальня, каминный зал и кабинет. Это места для интерактивных рассказов. Чтобы увидеть всю экспозицию, нужно переходить из центра в кладовую, в спальню, в кухню — как будто играешь в шахматы и идёшь конём.

Д. Б.: И каждый ход приводит к неожиданным открытиям. Мы так и назвали выставку — «Ход коня»: в честь сборника статей Шкловского. Люблю цитату оттуда: «...конь не свободен, — он ходит вбок потому, что прямая дорога ему запрещена».

А. С.: Шкловский кидал афоризмы везде, как огненный дракон. Самые искромётные его изречения Варвара Шкловская собрала в статье «Изюм из булки». При жизни отец ей это сделать не давал: говорил «не выковыривай изюм из булки». Эти цитаты появляются в каждом эпизоде выставки.

Д. Б.: Тем временем в очереди уже стоят другие переделкинские герои. Мы собираем новый архив литературной жизни — материальные и нематериальные объекты, связанные с литературной жизнью XX века. К сожалению, старых архивов Дома творчества

не сохранилось. Поэтому мы восстанавливаем историю по свидетельствам, мемуарам, опросам и интервью. Это даёт нам запас выставок на много лет вперёд.

ВТОРОЙ ЭТАЖ

Второй этаж «Первой дачи» — пространство архива. Во-первых, там расположен исторический кабинет Шкловского. Он в постоянном доступе для специалистов: тут можно изучить маргиналии в томиках Толстого, разобраться в переписках.

Во-вторых, на втором этаже есть медиакомната — там, где жил Геннадий Шпаликов. Мы её называем комнатой сценаристов: здесь можно поискать материалы в видео- и звуковых архивах и поработать над своим сценарием.

Также на второй этаж из исторического корпуса переехала экспозиция «Хроники Переделкина»: она рассказывает о жителях посёлка. Отдельная часть экспозиции посвящена истории «Первой дачи».

А на полукруглой террасе — в самом красивом месте на земле — разместился звуковой архив, где можно послушать голоса Переделкина. Некоторые записи плохо сохранились, поэтому мы применяем ИИ — восстанавливаем писательские голоса на основе уцелевших фрагментов. При помощи технологий Сбера — умного дома и интеллектуальной колонки — закрываются шторы, на них появляются изображения, а по запросам посетителей и модераторов включаются аудиоматериалы. Это тонкая интеграция технологий в живое музейное пространство. В ней нам помогают Сбер, наш генеральный партнер, и команда СберСити.

Записала Анна Демчикова

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков

Арт-директор: Юлия Дикевич

Над номером работали:

Наталья Бакшаева, Сергей Гуськов, Катя Гущина, Анна Демчикова, Михаил Климин, Сергей Лебедев, Миша Ле Жене, Евгения Некрасова, Даниил Родионов, Роман Сакин, Дмитрий Цыганов

Корректорское бюро «Ёлки-палки»

Отпечатано в ОАО «Московская газетная типография». Заказ № 3238. Тираж 2000 экз.

Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение Внуковское, ул. Погодина, 4, Дом творчества Переделкино

info@pro-peredelkino.org

+ 7 (916) 260-94-88

События и новости Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube